

Улыбка Раскольникова

Несмотря на то, что Раскольников поступал согласно своей «теории», на самом деле им двигали и его мучили какие-то ощущения, которые в конце концов он так и не смог охватить умом.¹ Это Раскольников сам хорошо чувствовал и осознавал уже в начале романа, до совершения убийства. После страшного сна об избииении лошади он оставил свою мысль об убийстве и:

Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. «Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» (...) Несмотря на слабость свою, он даже не ощущал в себе усталости. Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался (6; 50).

Здесь можно отметить, во-первых, что употребляются глаголы «почувствовать», «ощущать» и мысль об убийстве описывается почти как физическое ощущение, и, во-вторых, что он молился Богу.

Но совсем случайно и неожиданно узнав, что на следующий день в семь часов Лизаветы, сестры старухи, дома не будет, он вдруг внезапно решил исполнить свой замысел. Здесь сказать «он решил», впрочем, не точно.

Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено уже окончательно (6; 52).

Так же случайно ему удалось достать топор и он сказал: «Не рассудок, так бес!» (6; 60).

Итак, убийство совершилось. Но он мучился. Особенно его мучило отчаянное ощущение одиночества и отчужденности от других людей, доходящей иногда даже до ненависти к близким. Это ощущение сравнивается с «аршином пространства» и его никак невозможно решить разумом.

...он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее — это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых им ощущений (6; 82).

Раскольников был дитя разума и так остался им до самого конца. Несмотря на то, что само убийство он совершил не разумом, а им двигала какая-то демоническая сила, и сам он наполовину это сознавал, он не смог перестать доверять своему разуму.

«Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался! — подумал он с торжеством, глубоко и радостно вздохнув всею грудью, — просто слабосилие лихорадочное, бред на минуточку» (6; 72).

Он так доверяется своему разуму, что эта ясность собственного разума вызывает у него радостное торжество, хотя на самом деле такая радость далека от истинной и весьма непродолжительна, что хорошо показано в романе.

В эпилоге:

И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужас-

ных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении (6; 417).

Вопреки сильной жажде живого чувства, он не мог раскаиваться. Его разум не позволял ему это делать.

Если суть современной европейской цивилизации состоит в полном доверии к человеческому уму, то Раскольников представляет собой дитя современного времени. Он был только слишком *верный*. И в основе его мышления мы не можем не признать такое же слишком наивное и честное чувство справедливости. В самом деле он имеет право говорить: «О отрицатели и мудрецы в пяточок серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге!» (6;417).

Тем не менее мы должны заметить, что у Раскольникова иногда возникало радостное, энергичное и жизнеутверждающее чувство.

Опять сильная, едва выносимая радость, как давеча в конторе, овладела им на мгновение. «Схоронены концы! И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем?» (6; 86).

Ему как-то предчувствовалось, что, по крайней мере на сегодняшний день, он почти наверное может считать себя безопасным. Вдруг в сердце своем он ощутил почти радость (6; 274).

«Все о двух концах, теперь все о двух концах», — твердил Раскольников и более чем когда-нибудь бодро вышел из комнаты.

«Теперь мы еще поборемся», — с злобною усмешкой проговорил он, сходя с лестницы. Злоба же относилась к нему самому: он с презрением и стыдом вспоминал о своем «малодушии» (6; 276).

В этих примерах причиной подъема его чувств была надежда, что его преступление не обнаружится. Но такого рода радость не продолжается долго.

После того, как Раскольников оставил у Катерины Ивановны свои последние деньги, его догнала Полечка и благодарила, говоря: «Всю мою будущую жизнь буду об вас молиться» (6; 147). После этого добродетельного и невинного общения с невинной девочкой он испытал чувство самоутверждения.

Гордость и самоуверенность нарастали в нем каждую минуту; уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую. Что же, однако, случилось такого особенного, что так перевернуло его? Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что ему «можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе с старою старухой» (6; 147).

Может быть, Бог услышал молитву Полечки. Но для того, чтобы приобрести настоящее, постоянное и непоколебимое ощущение жизни, он должен был найти совсем другое начало, другой способ понимания мира, до этого, однако, дорога была далека. Раскольников спасла встреча и общение с Соней.

Он сказал ей:

— Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал (6; 253).

Почему он выбрал именно Соню? Это объяснить за короткое время просто невозможно. Я бы сказал одним словом: он предчувствовал, что она единственная, кто его поймет. При встрече с Мармеладовым, говорит Раскольников, он выбрал Соню, но поиск такого общения, поиск бессознательный начался чуть раньше — когда он вошел в распивочную.

Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной (6; 11).

Там он познакомился с Мармеладовым и узнал о Соне.

Он жаждал людей. Искал какого-то общения. Но кто мог бы его понять? Кто мог бы подсказать ему *его путь*?

Раскольников признается в своем преступлении перед двумя людьми, Разумихиным и Соней, притом, как известно, глазами и выражением лица. Что он хотел им передать? Безусловно, не только тот факт, что он убийца. Он хотел, чтобы Разумихин понял все его муки, беспредельную муку ощущения одиночества, отчаянное мучение от неразрешимого противоречия между разумом и своими чувствами, ощущениями. Разумихин наконец почувствовал «что-то ужасное, безобразное» (6; 240), что оставило у него неизгладимое впечатление, хотя добрый Разумихин потом и передумал, и опять стал отрицать эту мысль. Кстати, до совершения убийства Раскольников заходил к Разумихину тоже не случайно, хотя и не осознавая этого.

Что касается признания перед Соней, его объяснить еще сложнее. Я хотел бы указать, во-первых, на то, что для Раскольникова здесь повторяется та же ситуация, как при совершении убийства.

Эта минута была ужасно похожа, в его ощущении, на ту, когда он стоял за старухой, уже высвободив из петли топор, и почувствовал, что уже «ни мгновения нельзя было терять более» (6; 314).

И далее:

— Так не можешь угадать-то? — спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни (6; 315).

Его толкнула какая-то непреодолимая сила так же, как при убийстве старухи. Но если тогда эта роковая сила бросила его на дно отчаяния, то в этот раз она, я хотел бы думать, открыла ему первый тоненький лучик света на пути к воскресению.

Раскольников увидел у Сони такое же лицо и такой же жест, как у Лизаветы. И:

Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же *детскою* улыбкой (6; 315).

Прошу разрешения здесь привести слова знаменитого критика нашей страны, Хидэо Кобаяси.

Чтобы разрешить психологию, выявленную в этом коротком описании, наверное, нужна целая тетрадь.

(...)

Настоящая история «Преступления и наказания» закончилась улыбкой Раскольникова.²

Здесь главное не то, что Раскольников признался в своем убийстве, а то, что ужас и испуг Сони сообщились Раскольникову; то, что ощущение убиваемой передалось убийце. Каким-то странным образом, в этот момент он мог поделиться своим человеческим чувством, ощущением с другим человеком. Не случайно Соня именно после этой сцены начинает говорить с Раскольниковым на «ты». Чтобы понять, что означает слово «детская», которое писатель выделил курсивом, нужен отдельный анализ. Например, в этой улыбке можно увидеть выражение души, которая потеряла всякое напряжение сознания и бессильно стоит как юродивая...

Как и ожидал Раскольников, Соня сумела его понять, но только по-своему, не так, как он представлял, но так, как он бессознательно искал и не находил. Хотя были некоторые колебания и внутренние сомнения, в конце концов он решил прийти с повинной. Логика Сони была такая:

— Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет (6; 322).

Соня прямо и ясно предложила способ решения проблемы Раскольникова и потребовала от него следовать этому способу без компромисса. Для него самого неожиданно так случилось, что и в самом деле он поклонился и поцеловал землю на Сенной площади, обливаясь слезами, с наслаждением и счастьем. И опять же им двигала какая-то неизбежная сила. Если при встрече с Соней наступил первый этап его воскресения, то это событие – уже второй. Через

трепетное личное общение любви открывалось более широкое, коренное, могучее общение с землей, и в то же время доказывалась правдивость пути Сони как неизбежная истина не в сфере разума, а в сфере чувств, ощущения, в жизни. Третий этап воскресения Раскольникова будет уже в конце романа, на каторге в Сибири.

Он плакал и обнимал ее колени.

(...)

Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое (6; 421—422).

Нельзя упускать из виду и предложения, которые следуют прямо после этого.

Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря (6; 422).

То, что это сообщается автором именно в этом месте романа, что Раскольников открыл Евангелие именно в этот момент, когда у него произошла глобальная перемена мироощущения, — все это, конечно, не случайно. Здесь прекрасно показано значение Евангелия и то, какого подхода требует эта книга.

Исследуя мир ощущений Раскольникова, мы пришли к порогу входа в христианскую веру. Проблемы христианства составляют уже другую крупную работу, которая у меня пока не завершена. Но в заключение мне хотелось бы сказать следующее. Если многие исследователи правильно говорят, что Достоевский был глубоко верующим писателем и его творчество является христианским, православным, то, мне кажется, что мы, восточные азиаты, многими из которых управляет другой, не христианский образ мышления, со скромными знаниями о христианстве, все-таки можем не только стоять у входа в христианскую, православную веру, но и, хотя бы

по-своему, подойти к ее сути в значительной степени не с точки зрения теории и знания, а с точки зрения чувств и ощущения, под руководством этого гениального произведения великого писателя.

Примечания

Эта статья написана на основе доклада, прочитанного в ноябре 2001 г. на XXVI Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

¹ В качестве работ, которые были написаны с этой точки зрения, могу привести два примера. 1) **В.Я. Кирлотин**. «Разочарование и крушение Родиона Раскольникова». М., Худож. лит., 1986, где объясняется неразделимое отношение между идеей и чувствами у Раскольникова. В главе «Идея Раскольникова» автор употребляет такие термины, как «идея-чувство», «идея-страсть» (С. 81—82); 2) **К. Накамура**. «Чувство жизни и смерти у Достоевского». СПб., Дмитрий Буланин, 1997 – исследование, проникнутое мыслью, что у Достоевского ведущую роль играет чувство. Глава 1-ая посвящается роману «Преступление и наказание».

² **Хидэо Кобаяси** (1902—83) считается выдающимся критиком в Японии. Он оставил работы не только о современной литературе, но и о классике, о философии и т.д. Вообще он действовал во всех сферах искусства. В том числе у него есть много статей о произведениях Достоевского и большая работа «Жизнь Достоевского» (1935—37). Данная цитата из его статьи «О романе «Преступление и наказание» (перевод мой).